

DOI: [10.18334/eo.12.1.114129](https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114129)

Original Paper

Общественно-политический дискурс, качество жизни и протестная активность населения

Дудин М.Н. ¹

¹ Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия

 dudinmn@mail.ru

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Дудин М.Н. *Общественно-политический дискурс, качество жизни и протестная активность населения* // Экономические отношения. – 2022. – Том 12. – № 1. – С. 121–148. doi: [10.18334/eo.12.1.114129](https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114129)

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена сущности общественно-политического дискурса в социально-экономическом контексте и анализу влияния формального общественно-политического дискурса на качество жизни и протестную активность российского населения. Материалы статьи изложены с использованием междисциплинарной методологии, интегрирующей методы исследования из экономических, политических и социальных наук: контентный анализ, эконометрический анализ, компаративный анализ, статистический анализ. Автором дана социально-экономическая трактовка понятия «общественно-политический дискурс», а также сформулированы объективные оценочные суждения относительно влияния формального общественно-политического дискурса на экономическую динамику, протестную активность и уровень жизни населения. В статье предложены ключевые направления трансформации общественно-политического дискурса для решения ключевой проблемы – низкого уровня и низкого качества жизни населения. Трансформация общественно-политического дискурса должна быть осуществлена через изменение научной подготовки кадров для медиасферы и публичной политики через ротацию элит и кооптацию молодых политически активных граждан в сферу государственного и муниципального управления, а также через выращивание новых и оптимизацию уже существующих институтов, которые негативно влияют на социально-экономическую динамику. К таким институтам следует отнести: институт прав собственности, в том числе интеллектуальной; институт репутации; институт рынка труда и социально-трудовых отношений. Статья может представлять интерес для широкого круга читателей, но в большей степени она адресована специалистам в области политической экономики и общественно-гуманитарных наук. Результаты исследования могут быть использованы: для дальнейших научных междисциплинарных исследований взаимосвязи общественно-политического дискурса и динамики социально-экономического развития; для разработки законодательных инициатив в области выращивания и институциональной оптимизации российского общества и экономики; для разработки стратегических программ, ориентированных на устойчивое социально-экономическое развитие России.

ФИНАНСИРОВАНИЕ:

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политический дискурс, институты, качество жизни, уровень жизни, протестная активность населения, социально-экономическая политика, стратегия развития.

Socio-political discourse: quality of life and protest activity

Dudin M.N. ¹

¹ Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences, Russia

 dudinmn@mail.ru

CITATION:

Dudin M.N. (2022) Obschestvenno-politicheskiy diskurs, kachestvo zhizni i protestnaya aktivnost naseleniya [Socio-political discourse: quality of life and protest activity]. Ekonomicheskie otnosheniya. 12. (1). – 121–148. doi: [10.18334/eo.12.1.114129](https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114129)

ABSTRACT:

The socio-political discourse is presented in a socio-economic context. The analysis of the formal socio-political discourse impact on the quality of life and protest activity of the Russian population is carried out. An interdisciplinary methodology integrating research methods in economic, political and social sciences were used. These methods are as follows: content analysis, econometric analysis, comparative and statistical analysis. The author gives a socio-economic interpretation of socio-political discourse. Objective value judgments are formulated regarding the influence of formal socio-political discourse on economic dynamics, protest activity and the standard of living. The key directions of transformation of socio-political discourse are proposed. The purpose is to solve the key problem – the low level and low quality of life. The transformation of socio-political discourse should be carried out through a change in the staff scientific training for the media sphere and public policy, through the elites rotation and the co-optation of young politically active citizens into public administration, as well as through the cultivation of new and optimization of existing institutions that negatively affect socio-economic dynamics. Such institutions should include: the institute of property rights, including intellectual property; the institute of reputation; the institute of labour market and social and labour relations. The article may be of interest to a wide range of readers, but to a greater extent it is addressed to specialists in political economy and social sciences and humanities. The results of the research can be used for further scientific interdisciplinary studies of the relationship between socio-political discourse and the dynamics of socio-economic development, for the development of legislative initiatives in the field of cultivation and institutional optimization of Russian society and economy, to develop strategic programs focused on sustainable socio-economic development of Russia.

FUNDING:

The article was prepared within the framework of the state task of the Market Economy Institute of RAS; the topic of research "Institutional transformation of economic security in solving socio-economic problems of sustainable development of the national economy of Russia".

KEYWORDS: socio-political discourse, institutions, quality of life, standard of living, protest activity, socio-economic policy, development strategy

Введение

Российская внутренняя экономическая политика де-факто и де-юре позиционируется как социально ответственная. В пользу этого тезиса можно привести следующие доводы:

- во-первых, доля расходов, направляемых на финансирование обязательств государства в сфере социальной политики, с 2015 года составляет в среднем 30% от общей суммы всех бюджетных расходов;
- во-вторых, обязательства по страхованию ключевых социальных рисков (заболевания, пенсионный возраст, несчастные случаи на производстве) возложены на государство и работодателей. Гражданам дано свободное право на добровольное страхование персональных социальных рисков;
- в-третьих, все реализуемые национальные проекты исходят из приоритета социального, и только во вторую очередь учитываются ожидаемые экономические эффекты;
- в-четвертых, во время эпидемии COVID-19, и особенно в первую ее волну, государство в большей степени поддерживало граждан (в том числе обязав работодателей выплачивать своим сотрудникам заработную плату во время локдауна), но в меньшей степени экономику и ее акторов, де-факто разрешив им игнорировать требования по самоизоляции, социальному дистанцированию и необходимости перевода большей части сотрудников на удаленную работу.

Такая социально-экономическая политика, как ожидалось, должна была дать ощутимый рост национального благосостояния, в том числе и качества жизни населения. Однако реальные располагаемые доходы граждан с 2013 года показывают неизменно понижительный тренд, и согласно данным Росстата, суммарное значение этого показателя снизилось примерно на 10–11% (в 2020 году относительно 2013 года) [13].

В условиях семилетнего падения реальных располагаемых доходов граждан речи о повышении качества их жизни идти не может, несмотря на то, что национальная статистическая служба декларирует рост заработных плат и номинальных денежных доходов населения. Причины несоответствия между ожидаемыми и фактическими результатами социально-экономического развития видятся в следующем:

1) недостаточная институциональная зрелость экономики, в том числе обусловленная постоянно измененными законодательным актором нормами, правилами и регламентами в области гражданского, административного и налогового права;

2) высокие темпы реальной инфляции, значительно опережающие темпы официальной инфляции, что связано и с волатильностью национальной валюты, и с санкционным противостоянием, разгоняющим цены, и с неспособностью внутреннего производства обеспечить платежеспособный спрос конкурентной продукцией, работами, услугами;

3) низкая инвестиционная привлекательность российской экономики, обусловленная как вышеупомянутой институциональной незрелостью, так и вышеупомянутым санкционным противостоянием, стимулирующим отток прямых иностранных инвестиций, а также предпринимательских доходов и прибыли, созданных на внутренних рынках, за рубеж;

4) слабая развитость высокотехнологичного сегмента национальной экономики в силу оттока интеллектуального капитала и интеллектуальной собственности в более устойчивые зарубежные юрисдикции.

Таким образом, становится очевидным, что социальная и экономическая политика Российской Федерации не достигает поставленной цели – роста благосостояния, уровня и качества жизни граждан в силу того, что национальная и, безусловно, патерналистская и протекционная модель развития не является эффективной даже с учетом того, что научное понимание и протекционизма, и патернализма не отрицает их значимость и допускает использование этих инструментов для достижения заявленных целей. Вместе с тем недовольство граждан социально-экономической политикой неуклонно растет, что в конечном итоге влияет на протестную активность населения. Но протестные настроения, которые не перешли в активную фазу противостояния, могут быть нивелированы за счет увеличения качества жизни граждан, но для этого необходима смена формального общественно-политического дискурса.

Поэтому целью данной статьи является анализ влияния общественно-политического дискурса и на уровень жизни, и на протестную активность населения. Авторская гипотеза состоит в том, что уровень и качество жизни граждан коррелируют с уровнем их протестной активности не прямо, но обратно пропорционально. Научная новизна статьи заключается в обосновании авторской гипотезы и состоит в следующем: высокий уровень протестной активности следует ожидать при критически низком уровне жизни населения авторитарных обществ, а также при относительно высоком уровне жизни демократических обществ. Средний уровень жизни, не резкое, но постепенное его снижение ведут к тому, что граждане начинают привыкать к бедности, их протестная активность принимает форму скрытого атомизированного недовольства, но не открытой коллективной демонстрации этого недовольства.

Обзор литературы и исследований

В политологии, социологии и экономике как научных дисциплинах понимание общественно-политического дискурса несколько различается. Так, в политических науках сделан акцент на том, что такой дискурс – это целенаправленно сконструированное пространство, обеспечивающее легитимацию

различных институтов посредством публичности принимаемых решений в области государственного и муниципального управления [21] (*Chekmenev, 2015*).

Социальные науки фокусируют внимание на коммуникативной составляющей пространства, в которой присутствует множество различных акторов, взаимодействующих между собой на принципах социальной справедливости и формальной институциональности [16] (*Rozin, 2013*). Заметим, что социальная справедливость – это весьма неоднозначно трактуемое понятие, которое различные ученые трактуют по-своему. Но наиболее внятная трактовка принадлежит Дж. Ролзу, который указывает, что социальная справедливость – это, в сущности, равный доступ к основным правам и свободам, реализуемый посредством, прежде всего, формальных институтов. При этом права и свободы одного субъекта не должны ограничивать или ущемлять права и свободы другого субъекта [27] (*Rawls, 2020*).

Экономическая наука рассматривает общественно-политический дискурс в контексте условий и факторов, детерминирующих возможности, ограничения, риски и угрозы устойчивому социально-экономическому развитию. Безусловно, классические положения экономики будут исходить из того, что экономика как созидательная деятельность человека первична («базис» по К. Марксу, «невидимая рука рынка» по А. Смиту), а все остальное вторично (надстройка).

Но новая институциональная экономическая теория исходит из иного – «... институты имеют значение ...» [6, 19, 25, 26] (*Auzana, 2016; Khodzhson, 2007; North, 1991; North, 2016*). Следовательно, развитие и экономический рост зависят от норм и правил, т.е. институтов, которые формируются, а также формализуются (либо не формализуются, так и оставаясь различными обычаями, традициями, догмами и т.п.) в рамках общественно-политического дискурса.

Таким образом, с экономической точки зрения общественно-политический дискурс – это совокупность институтов и детерминант, определяющих взаимоотношения акторов по поводу создания и распределения различных благ как материальной или нематериальной основы экономической обмена, результатом чего является в широком смысле приращение национального благосостояния, а в узком смысле – приращение уровня и качества жизни каждого отдельно взятого гражданина. И поскольку общественно-политический дискурс – это пространство легитимации различных институтов, в том числе определяющих экономическую динамику, то здесь с полным правом можно говорить о том, что, во-первых, общественно-политический дискурс кооптирует неформальные институты, трансформируя их в формальные, а во-вторых, специфика дискурса может стимулировать либо дестимулировать позитивную экономическую динамику.

Методология и методы

Представленная статья является по своей научно-методической сущности междисциплинарной, интегрирующей совокупность методов: теоретического, контентного, эмпирического и статистического анализа, научно-практического синтеза, обобщения и прогнозирования общественно-политических и экономических трендов.

На основе обзора широкой совокупности научных исследований по тематике общественно-политического дискурса и его влияния на экономику и общество в целом, а также на уровень и качество жизни населения в частности была разработана следующая схема (рис. 1).

Рисунок 1. Содержание понятия «общественно-политический дискурс» с социально-экономической точки зрения

Figure 1. The content of the concept of “socio-political discourse” from a socio-economic point of view

Источник: [6, 19, 25, 26] (Auzana, 2016; Khodzhsan, 2007; North, 1991; North, 2016).

Схема на рисунке 1 представляет собой методологическую концепцию дальнейшего исследования, которое будет проведено в рамках представленной статьи. Соответственно, стимулирующий социально-экономическое развитие общественно-политический дискурс будет характеризоваться:

1) преобладанием формальных разрешительных институтов, в том числе обеспечивающих базис для свободной конкуренции и добровольного социально-экономического обмена;

2) относительно высоким уровнем социальной справедливости с высоким уровнем доверия в обществе и экономике;

3) относительно высоким уровнем жизни населения, которое в данном случае является конечным бенефициаром результатов социально-политического развития.

Напротив, дестимулирующий общественно-политический дискурс – это прежде всего:

а) преобладание неформальных либо формальных запретительных институтов;

б) легизм, коррупция, что означает отсутствие сколько-нибудь заметной социальной справедливости и низкий уровень доверия в экономике и обществе;

в) низкий уровень жизни населения, которое не является бенефициаром результатов социально-экономического развития, а по сути своей в рамках дестимулирующего общественно-политического дискурса население является ресурсом, создающим блага для некоторого политико-экономического сообщества, не отождествляющего свои интересы с интересами национального гражданского общества.

Общественно-политический дискурс в России, де-юре основанный на свободной конкуренции, социальной справедливости и демократических институтах, с нормативной точки зрения ориентирован на:

1) обеспечение сбалансированного экономического роста и достижение динамической устойчивости в социально-экономическом развитии;

2) формирование человеческого и социального капитала в том числе посредством вовлечения в государственное и муниципальное управление инструментов патернализма и протекционизма;

3) создание условий, в которых граждане будут иметь высокий уровень и качество жизни.

Но уже из введения к данной статье становится понятным, что нормативный подход в описании специфики общественно-политического дискурса России не является объективно отражающей действительность.

Поэтому далее мы воспользуемся дескриптивным сравнительно-аналитическим подходом.

Результаты

Последнее исследование культурных ценностей, завершённое ещё при жизни недавно скончавшегося Р. Инглхарта, показало, что Россия со своей моделью развития ближе к традиционным ценностям, которые в большей сте-

пени ориентированы на выживание, нежели на самовыражение, в отличие от секулярных ценностей, в основе которых граждане демонстрируют относительно рациональное поведение, стремление к успеху в светском демократическом и правовом государстве [24]. Усредненный вид Карты ценностей представлен на *рисунке 2*.

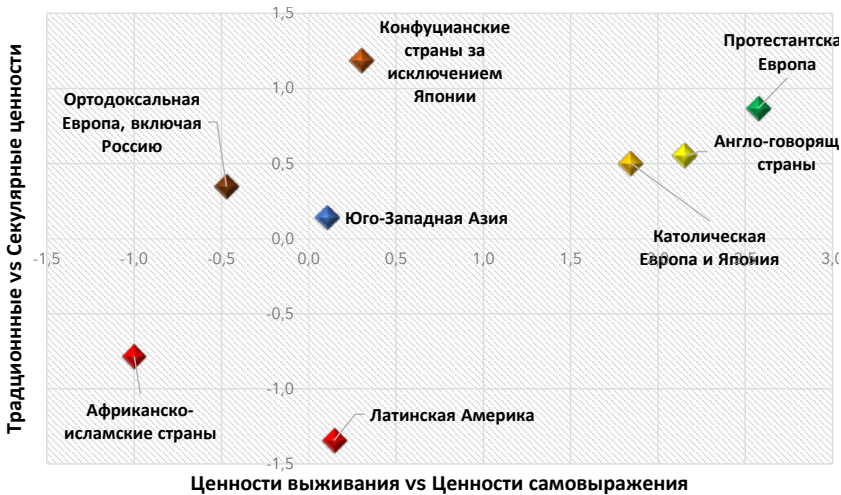

Рисунок 2. Карта ценностей (Inglehart–Welzel Cultural Map) седьмой волны всемирного исследования 2017–2021 гг.

Figure 2. Inglehart–Welzel Cultural Map of the seventh wave of the World Survey 2017–2021

Источник: [30].

Лидерами в части доминирования ценностей самовыражения в секулярном обществе являются страны так называемой протестантской Европы (Дания, Германия, Финляндия, Швеция, Швейцария, Норвегия, Исландия, Нидерланды).

За ними следуют англоговорящие страны: Австралия, Великобритания, США, Новая Зеландия. Ближе всего к лидерам разместились некоторые страны католической Европы: Словения, Люксембург, Испания, Австрия, Бельгия, Андорра.

Россия отнесена к ортодоксальной Европе вместе с Украиной, Болгарией, Грецией, Беларусью, Молдовой, Арменией, Казахстаном. Россия по сравнению со странами Латинской Америки и африканско-исламскими странами в большей степени склонна двигаться в сторону прогресса и отказа от традиционных ценностей выживания в пользу ценности самовыражения в светском обществе. При этом вместе с некоторыми другими странами, отнесенными к орто-

доксальной Европе (например, Украиной, Беларусью, Грецией, Болгарией, Северной Македонией и Черногорией), Россия балансирует на грани между традиционностью и прогрессом.

Одновременно с этим следует задаться вопросом, что объединяет Россию с двумя другими постсоветскими государствами – Украиной и Беларусью? Ответ очевиден: недостаточно развитые экономика, низкий уровень жизни населения и одновременно высокий протестный потенциал среди граждан. Это указывает на то, что общественно-политический дискурс, вне зависимости от проводимой внутри и за ее пределами политики государственного управления, в России, Украине и Беларуси имеет одно и то же описание:

1) высокий уровень негативного социального неравенства (негативное социальное неравенство выражается в том, что элиты получают все больше возможностей, а остальные граждане все больше ограничиваются в возможности использования даже своих основных прав и свобод), обусловленного легизмом и коррупцией;

2) ограниченные возможности для роста экономики, обусловленные либо структурными диспропорциями, либо институциональной неразвитостью;

3) опора на традиции, обычаи и даже догмы, что снижает уровень доверия в экономическом обмене и в социальном взаимодействии граждан.

Если мы рассмотрим на Карте ценностей положение других постсоветских государств, то увидим, что наибольший социальный и экономический прогресс будет в тех странах, общественно-политический дискурс которых кардинально отличается от российского (и это, безусловно, страны Балтии) (рис. 3).

Прочие же постсоветские государства – Азербайджан, Казахстан, Грузия, Кыргызстан, Узбекистан – образуют практически монолитный кластер традиционалистских обществ с доминированием ценностей выживания, даже несмотря на то, что Грузия избирает для себя прозападный курс развития.

Далее, если мы выбираем две-три критические точки на карте ценностей (Швеция – это точка, отражающая максимум самовыражения в безусловно светском строе, и Египет, Катар – это максимум ценностей выживания в традиционном обществе) и с помощью трех основных метрик Data Science (евклидово расстояние, чебышевское расстояние и расстояние типа L1 [3] (Bryus, Bryus, 2018)) рассчитываем удаленность постсоветских государств от этих критических точек, то мы увидим, что, например, Россия значительно удалена от Швеции и весьма близка к положению Египта и Катара. Напротив, Азербайджан и Узбекистан удалены максимально от Швеции, но, безусловно, ближе к Египту и Катару (табл. 1). Таким образом, на данном этапе анализа мы можем сделать вывод о том, что российский общественно-политический дискурс находится в транзитивной позиции, но остается близким с традиционалистским обществом с ценностями выживания.

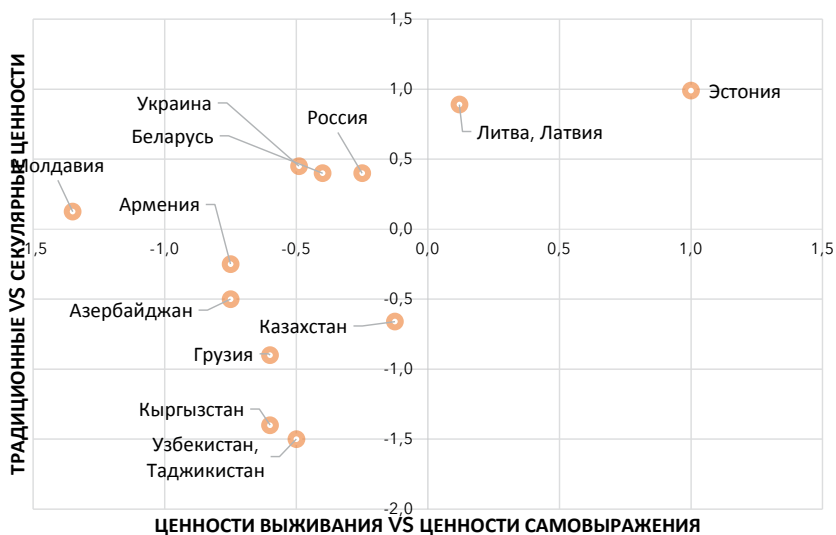

Рисунок 3. Карта ценностей (Inglehart–Welzel Cultural Map) для государств, сформировавшихся после распада СССР, согласно данным седьмой волны всемирного исследования 2017–2021 гг.

Figure 3. Inglehart–Welzel Cultural Map for states formed after the collapse of the USSR, according to the seventh wave of the world survey 2017–2021

Источник: [30].

Безусловно, уровень жизни среднего гражданина в России выше, чем в Катаре или Египте. Для сравнения: в России, исходя из тех данных, что передаются Всемирному банку, на 5,5 долларов США в день живет всего лишь 3,7% населения, в Египте – около 72% населения. Но вместе с тем в Швеции и во многих странах Европы, включая Украину и Беларусь, этот показатель не превышает 1–1,2% [22]. Иными словами, в России численность населения, проживающего за чертой бедности, составляет почти 5,4 млн человек, а в Швеции – около 1 млн человек.

Кроме этого, в России более высокий уровень неравенства доходов, несмотря на то, что коэффициент Джини выше аналогичного показателя Швеции лишь на 7 п.п. по итогам 2019 года (рис. 4).

За последние годы, конечно же, разрыв в уровне жизни, измеряемый двумя вышеупомянутыми показателями, между Россией и Швецией сокращается, но это не объективная картина, поскольку следует учесть и разницу в ценности и стоимости жизни/труда, которая косвенно выражается, например, через минимальный размер оплаты труда и через долю расходов на обеспечение

Таблица 1
Метрический анализ удаленности постсоветских государств от критических точек Карты ценностей (Inglehart–Welzel Cultural Map) согласно данным седьмой волны всемирного исследования 2017–2021 гг.

Table 1
Metric analysis of the distance of the post-Soviet states from the critical points of the Inglehart–Welzel Cultural Map according to the data of the seventh wave of the world survey 2017–2021

Постсоветские государства	Евклидово расстояние	Расстояние типа L1 (манхэттенское)	Чебышевское расстояние	Среднее значение	Евклидово расстояние	Расстояние типа L1 (манхэттенское)	Чебышевское расстояние	Среднее значение
	Удаленность от положения Швеции на карте Ценностей							
Эстония	2,062	2,5	2	2,18	3,578	5,06	2,535	3,58
Литва, Латвия	2,961	3,5	2,9	3,11	3,508	4,96	2,525	3,53
Украина	3,64	4,5	3,5	3,86	2,279	3,06	2,035	2,42
Беларусь	3,808	5,2	3,3	4,03	2,29	3,16	1,935	2,41
Молдавия	4,617	5,8	4,4	4,90	1,64	1,76	1,635	1,68
Армения	4,205	5,6	3,8	4,47	1,432	1,96	1,235	1,51
Россия	3,895	5,3	3,4	4,12	1,598	2,26	1,135	1,60
Азербайджан	4,294	5,8	3,8	4,56	1,264	1,76	1,035	1,32
Казахстан	3,801	5,3	3,1	3,97	1,652	2,26	1,425	1,75
Грузия	4,327	6	3,6	4,54	1,122	1,56	0,925	1,17
Кыргызстан	4,623	6,5	3,6	4,76	0,935	1,06	0,925	0,97
Узбекистан, Таджикистан	4,61	6,5	3,5	4,72	1,026	1,06	1,025	1,04

Источник: [30].

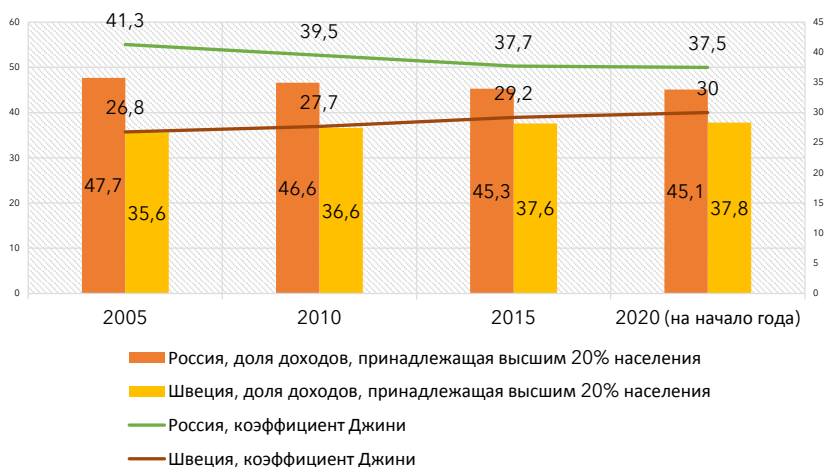

Рисунок 4. Сравнение динамики социального и экономического неравенства населения Швеции и России
Figure 4. Comparison of the dynamics of social and economic inequality in the population of Sweden and Russia

Источник: [22].

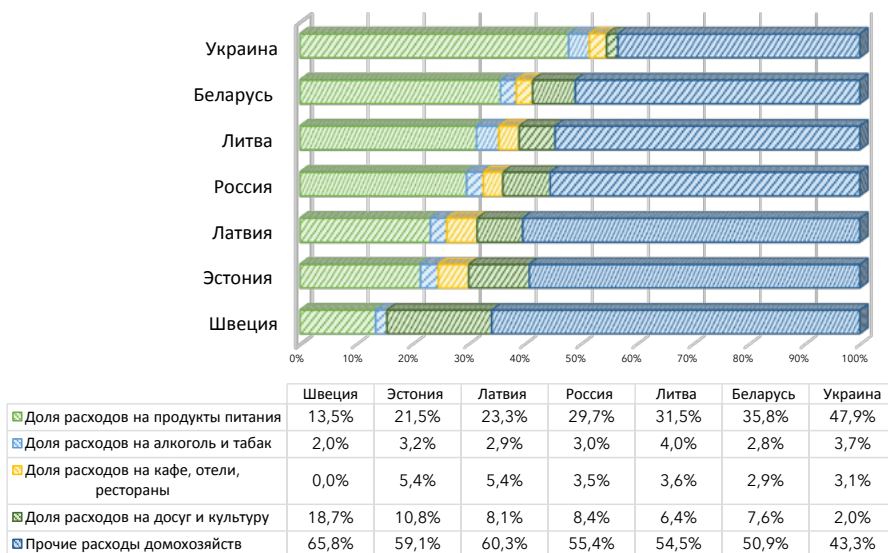

Рисунок 5. Сравнение долей расходов семей на питание и прочие потребности в некоторых странах Европы на начало 2020 года

Figure 5. Comparison of shares of household expenditure on food and other needs in selected European countries at the beginning of 2020

Источник: [15].

физиологических потребностей. В России МРОТ составляет в среднем 123–142 евро в месяц (соответственно, после и до уплаты налогов). В Швеции МРОТ не установлен, но можно ориентироваться на минимальную часовую ставку, которая варьируется от 25 до 30 евро. В России аналогичный показатель составляет примерно 0,7–0,8 евро, или 0,9–1 доллар США.

Итак, в Швеции ценность жизни и труда среднестатистического работающего по найму гражданина примерно в 25–30 раз выше, чем в России. При этом базовая стоимость жизни, т.е. стоимость удовлетворения основной физиологической потребности в пище, в России примерно в 2 раза выше, чем в Швеции, соответственно, на культурный досуг российские граждане тратят примерно в 3 раза меньше (рис. 5).

В выборке отражены данные не по всем постсоветским государствам, поскольку исследование касалось только европейской части. Но очевидно, что в Швеции, несмотря и на более высокий МРОТ, а значит, и прожиточный минимум, и на более высокие подходящие налоги, у гражданина или семьи остается после удовлетворения основной физиологической потребности примерно 87% от всей суммы расходов, а с учетом удовлетворения социально-культурных потребностей – примерно 65–66% суммы.

У среднестатистического российского домохозяйства после удовлетворения потребностей в пище останется не более 70% от всей суммы расходов, а с учетом удовлетворения социально-культурных потребностей – всего лишь 55% суммы. Практически аналогичная ситуация в Литве и значительно худшая ситуация в Беларуси и Украине. Объективно заметен тренд сокращения расходов на социально-культурные потребности в пользу расходов на питание, алкоголь и табак. Наиболее сильно эта тенденция проявлена в Украине.

В исследовании прошлого года показано [8] (*Makusheva, Cho, 2020*), что несмотря на сокращение потребления алкоголя в России, регистрируемого официальными ведомствами, доля теневого рынка может составлять по этому продукту от 28% до 40% и более в зависимости от региона. И одновременно с этим показано, что:

а) чем ниже уровень доходов в регионе или у конкретного человека, тем выше вероятность его спроса на полуправильный или нелегальный алкоголь в самых различных его проявлениях – от лекарственных настоек до домашнего, кустарного или неучтенного производства;

б) снижение потребления алкоголя в России и изменение структуры спроса в пользу более легких и более качественных напитков регистрируется среди молодежи (от 18 до 30 лет), ядерная аудитория крепкого алкоголя не изменяется ни в динамике, ни в структуре.

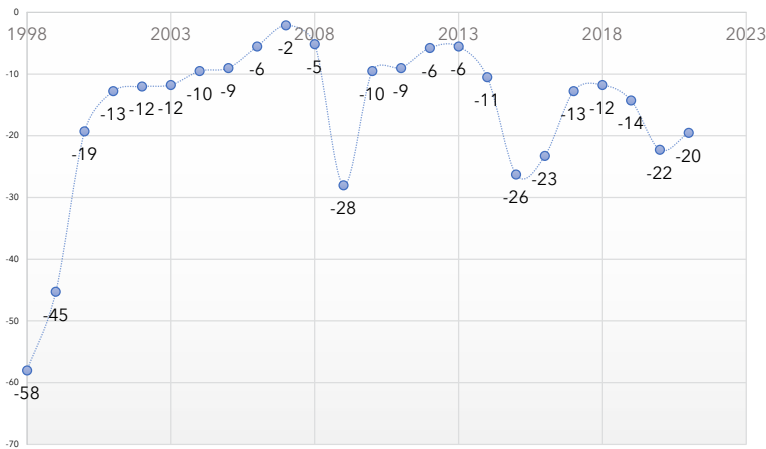

Рисунок 6. Среднегодовая динамика российского Индекса потребительских ожиданий, баланс в процентах
Figure 6. Average annual dynamics of the Russian Consumer Expectations Index, balance in percent

Источник: [13].

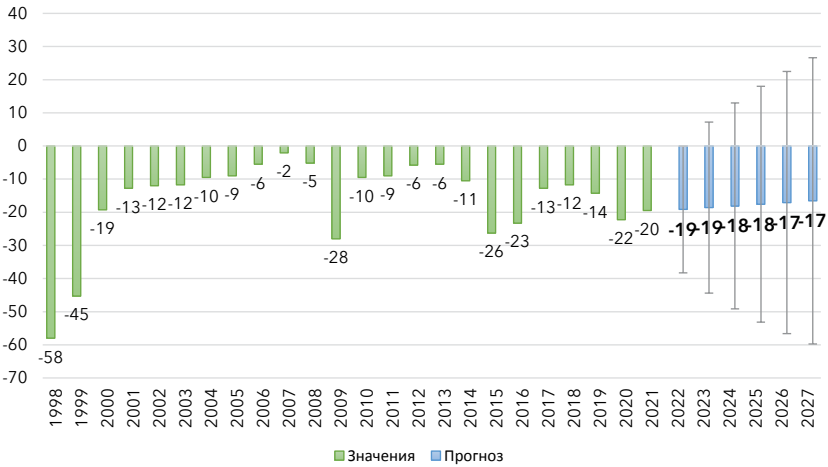

Рисунок 7. Прогнозирование динамики российского Индекса потребительских ожиданий, баланс в процентах
Figure 7. Forecasting the dynamics of the Russian Consumer Expectations Index, balance in percent

Источник: составлено автором.

Высокий удельный вес теневого алкогольного рынка одновременно указывает и на низкий уровень жизни, и на низкое качество жизни населения в России. Индекс потребительской уверенности, показывающий в том числе

настрой ожиданий граждан относительно уровня и качества своей жизни, на всем протяжении периода статистических наблюдений имеет отрицательное значение (рис. 6).

Максимум отрицательных значений пришелся на 1998–1999 гг., а этот период наиболее высокой протестной активности российских граждан. Таким образом, если условно соотносить Индекс потребительских ожиданий с уровнем протестного потенциала в российском обществе, то очевидно, что в прогнозе на ближайшие 5–6 лет кардинального скачка в виде массовых протестов ожидать не следует. Но при этом хотелось бы обратить внимание на значительный доверительный интервал прогноза (рис. 7).

Увеличение доверительного интервала означает, что потребительские ожидания могут сменить знак с минуса на плюс, и тогда протестный потенциал будет нивелирован. Либо потребительские ожидания покажут дальнейшее нарастание отрицательных значений и выйдут к 2025–2027 гг. на уровень 1998–1999 гг., и тогда протестный потенциал, вероятно, будет конвертирован в различные массовые выступления граждан.

И это относительно достоверный вывод, поскольку среднеквадратическая ошибка модели (*RMSE*), представленной на рисунке 7, составляет 7,54 п.п. Но как для перевода потребительских ожиданий в позитивное русло, так и для нивелирования протестного потенциала, дабы избежать социально-экономического коллапса, необходима смена, обновление или модернизация общественно-политического дискурса.

Обсуждение

В российской социальной и политической науке принято рассматривать изменения в общественно-политической дискурсе через призму коммуникаций между политическими акторами и представителями всего остального социума и экономики в том числе [1, 4, 18] (*Astvatsaturova, Chekmenev, 2019; Vasilkova, 2018; Sedina, Pronkina, 2021*). В сущности, в российских исследованиях проблемы репрезентации общественно-политического дискурса в публичном пространстве предлагается изменить риторику относительно освещения и обсуждения различных внутренних проблем и событий.

Но вряд ли изменение лингвистических концепций, в рамках которых привычно выступают трансляторы социального российского общественно-политического дискурса (в частности, это федеральные ТВ-каналы и другие крупные СМИ, использующие административный ресурс или финансовую поддержку от государства), позволит повысить качество и уровень жизни населения.

Вместе с тем коммуникативная трансформация или, если выразиться точнее, культурологическая трансформация общественно-политического дискурса, может оказать позитивное влияние на настроения в обществе, снизить остроту восприятия текущего кризиса. Вторым же неперенным условием трансформации российского общественно-политического дискурса следует считать обновление и развитие институциональных основ национального социально-экономического уклада, что, в свою очередь, будет обеспечивать и рост уровня жизни населения.

С экономической точки зрения коммуникативно-культурологическая трансформация общественно-политического дискурса является реактивной, т.е. ответом на ранее произошедшие события или возникшие явления, а также конъюнктурной, т.е. изменяющей только вербальную или лингвистическую конфигурацию общественно-политического дискурса, но не меняющей его содержание. Напротив, обновление институциональных основ российского общественно-политического дискурса является стратегической инициативой по своей сути:

- во-первых, потому что любое изменение содержания обращено в будущее, а следовательно, проактивно;
- во-вторых, потому что отложенные последствия содержательных изменений распределены на долгосрочном временном отрезке;
- в-третьих, потому что в рамках содержательных изменений будет пересматриваться и социально-политическое, и экономико-технологическое устройство российского общества.

Соответственно, далее следует рассмотреть трансформацию общественно-политического дискурса в прикладном контексте через два основных направления:

- 1) форма и/или способ представления дискурса обществу;
- 2) институциональное наполнение дискурса.

Общеизвестно, что российская репрезентация официального общественно-политического дискурса, транслируемая через вышеупомянутые федеральные ТВ-каналы и СМИ, получающие государственное финансирование, основывается, во-первых, на воинственно-маргинальной, а во-вторых, на агрессивной риторике тех акторов, которые являются провайдерами консервативных политических, экономических взглядов и противниками научно-технического прогресса. Одновременно следует отметить, что целевая аудитория этих акторов представлена поколением так называемых бумеров, т.е. людей, родившихся в конце или сразу после окончания Второй мировой войны.

Напротив, молодежная аудитория и аудитория, представители которой родились в 60-х – 80-х годах прошлого века (так называемое поколение X), при-

держиваются иного общественно-политического дискурса, который неформален и по способу репрезентации, и по содержанию, поскольку такой дискурс с помощью легизма вынесен за официальные границы. Соответственно, в данном случае протестные настроения формируются и поддерживаются за счет столкновения нравственных ценностей абсолютно разных и абсолютно чуждых друг другу поколений. И катализатором этих настроений является воинственно-маргинальная и агрессивная риторика акторов, репрезентирующих официальный общественно-политический дискурс в доступном для них коммуникативном пространстве. Этот тренд объективно отражает Рейтинг источников медиаинформации по уровню доверия (рис. 8).

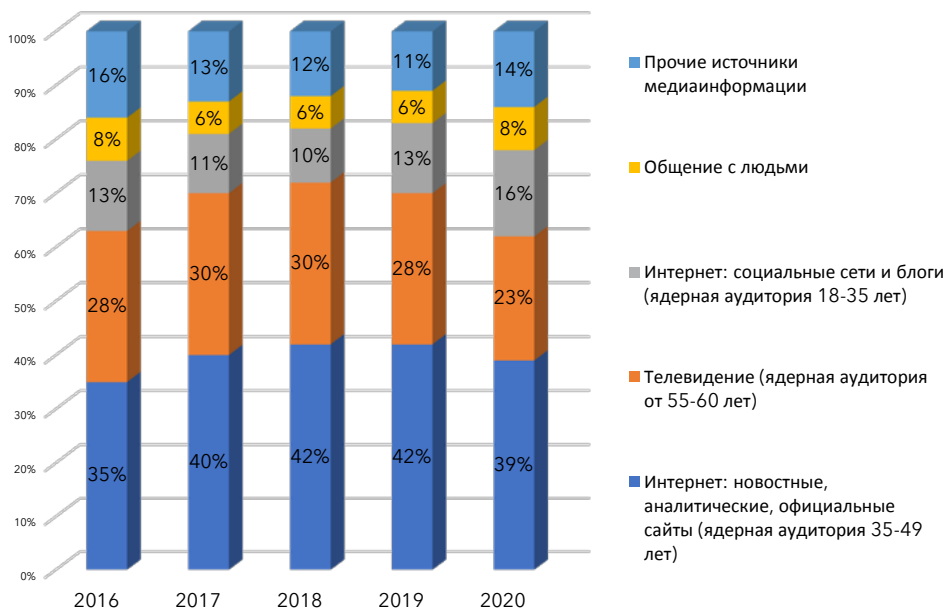

Рисунок 8. Рейтинг источников медиаинформации по уровню доверия российского населения (2020 год)

Figure 8. Rating of media information sources by the level of trust of the Russian population (2020)

Источник: [10].

Итак, только 1/5 часть российских граждан доверяют репрезентации в том числе официального общественно-политического дискурса, транслируемого посредством телевидения, при этом ядерная аудитория этого СМИ неуклонно сокращается в силу естественных причин – естественной убыли старшего

поколения. При этом акторы, вовлеченные в репрезентацию официального общественно-политического дискурса, не могут успешно этим заниматься на глобальных интернет-площадках в силу следующих причин:

а) отсутствие или малая представленность на этих площадках их ядерной аудитории;

б) высокая конкуренция со стороны малых, независимых и более маневренных СМИ.

Также следует отметить, что зарубежные тенденции в виде новой этики / новой искренности [23] (*D'Ambrosio, Moeller, 2021*) и культуры отмены [28] (*Saint-Louis, 2021*) проникают в российское медиапространство, соответственно, воинственные и агрессивные лингвистические конструкции, которые ранее были эффективным инструментом репрезентации официального общественно-политического дискурса, среди наиболее активных в экономическом и интеллектуальном плане граждан уже не вызывают доверия, но порождают отторжение, неприятие событийно-новостной повестки. Это одна из ключевых причин столь массового отказа граждан от вакцинации – негласно поощряемое COVID-диссидентство в СМИ, постоянное упоминание в негативной коннотации зарубежных вакцин привело к чрезмерному распространению в российском обществе различных конспирологических теорий и стимулировало всплеск протестных настроений.

Проблема заключается в том, что этичность и точность содержания материалов, в которых отражен официальный общественно-политический дискурс, не соответствуют ни запросу на социальную справедливость, ни требованиям честности в публичных коммуникациях, которые абсолютно точно сформировались в российском обществе. Отсюда следует, что форма и способ представления или репрезентации официального общественно-политического дискурса должны быть изменены, но уже без непосредственного участия государства. Безусловно, каждое российское медиа заявляет, что придерживается принципов этичности, честности и достоверности транслируемой информации. Но практика показывает, что это далеко не так. Кроме того, разработка или формализация этических кодексов российскими медиа будет абсолютно бесполезной, если:

а) не будет изменена научная концепция подготовки кадров для медиасферы;

б) не будут созданы публичные ресурсы для проведения независимой экспертизы наиболее спорных публикаций, материалов, тезисов.

Таким образом, перед ученым сообществом России стоит задача разработки и создания новых научно-практических программ подготовки журналистов, PR-менеджеров, публицистов и ряда других работников медиасферы.

Перед самой медиасферой стоит более сложная задача: разработать основы для создания ресурсов по независимой экспертизе информации, положенной в основу репрезентации официального общественно-политического дискурса. Это, безусловно, будет способствовать сокращению уровня агрессивности, раскола и протестов в российском обществе. Но конъюнктурные решения не являются жизнеспособными, если они не поддержаны стратегическими решениями. И если конъюнктурные решения – это сфера ответственности профессиональных сообществ (в частности, ученых, журналистов, публицистов), то стратегические решения – это сфера ответственности государства.

Соответственно, государство должно взять на себя обязательства по трансформации общественно-политического дискурса путем институциональной оптимизации. Под институциональной оптимизацией следует понимать приведение норм, правил и организаций, определяющих регулярность поведения граждан, к состоянию, в котором эти нормы, правила и организации создают стимулы для сбалансированного экономического роста и динамически устойчивого социально-экономического развития. И здесь ключевыми решениями должны стать следующие решения:

1) совершенствование законотворческого процесса, что на практике означает:

а) обеспечение прозрачности создания законодательных и подзаконных актов,

б) их всестороннее гражданское и экспертное обсуждение на публичных площадках,

в) отказ от практики ускоренного прохождения законопроектов через органы законодательной власти;

2) совершенствование просвещения на уровне общеобразовательной школы и специальных профессиональных учебных заведений – отказ от чрезмерной идеологической и религиозной нагрузки в пользу популяризации естественно-научного, гуманитарного, точного и инженерного знания в том качестве, в каком по этим направлениям знания имеется мировой теоретико-методологический консенсус;

3) ротация элит, в том числе через кооптацию молодых политически активных граждан в органы законодательной и исполнительной власти как в федеральном центре, так и в регионах;

4) расширение полномочий органов муниципального управления и самоуправления граждан территориями, что на практике означает:

а) изменение централизованной схемы формирования доходов федерального бюджета и перераспределения их в виде трансфертов и прочих безвозмездных перечислений в региональные бюджеты, иными словами, необходима децентрализация государственных финансов;

б) пересмотр налоговой политики в части изъятия из регионов и муниципалитетов налогов на прибыль и налога на добычу полезных ископаемых, иными словами, необходимо увеличить долю указанных налогов, которые остаются в местных и региональных бюджетах;

в) передача части федеральных обязательств по развитию социальной, научной, экономической и прочей инфраструктуры, в том числе взятых государством в рамках реализуемых и планируемых к реализации национальных проектов, региональным и муниципальным органам исполнительной власти, что будет формировать их самостоятельность в развитии управляемых ими территорий.

Следует, однако, отметить, что институциональная оптимизация невозможна без выращивания [7] (*Kuzminov, Radaev, Yakovlev, Yasin, 2005*) или трансплантации [14] (*Polterovich, 2001*) стимулирующих экономический рост и социально-экономическое развитие институтов.

В указанных трудах, а также в других российских и зарубежных научных публикациях в достаточной степени подробно описаны процессы институционального строительства, поэтому не имеет смысла останавливаться на этом подробно. Но необходимо несколько частных моментов, которые требуют неотложной институциональной оптимизации уже в краткосрочной перспективе.

Во-первых, в России слабо развит институт прав собственности, в том числе и интеллектуальной собственности, в результате чего и происходит отток умов и капитала. По правовым условиям для ведения бизнеса и осуществления предпринимательской деятельности Россия находится на 87-м месте из 167 возможных, при этом, например, Армения и Грузия занимают 52-е и 53-е места соответственно, а Эстония и Латвия 18-е и 32-е места соответственно [29]. Институт прав собственности – это основополагающий институт, обеспечивающий приращение национального благосостояния, уровня и качества жизни населения. Поскольку в России этот институт развит слабо, то, соответственно, и уровень наукоемкой предпринимательской, деловой активности низкий, и инновационные процессы слишком медленные.

Материальные активы (физический и финансовый капитал) в условиях постиндустриального экономического уклада накапливаются и восстанавливаются быстрее, нежели интеллектуальные активы, которые в большинстве случаев не имеют материального воплощения. Однако согласно нормам российского законодательства, защите подлежат только те интеллектуальные активы, которые имеют материальный носитель. Нельзя запатентовать идею, но можно запатентовать ее суть в виде чертежей, формул, дизайн-проектов, промышленных образцов, прототипов и т.д. Но для того чтобы идея смогла

найти воплощение, необходимы институции, обеспечивающие возможность носителю этой идеи реализовать ее в безопасных условиях. В частности, в Швейцарии авторским правом охраняются различные черновики и отдельные несистематизированные записи.

Во Франции авторское право распространяется, например, еще и на публичные выступления в виде лекций, проповедей, докладов и т.д. [2, 20] (*Boboshko, Koshelenko, 2020; Tsvileva, Mukhtarov, 2020*). Подобные или аналогичные нормы, в наиболее широком контексте рассматривающие авторские права, права на интеллектуальную собственность, есть в законодательствах и других наиболее развитых стран. Россия в этом вопросе существенно отстает.

Но проблема несовершенства института прав собственности в России уже в краткосрочной перспективе получит еще одно концептуальное осмысление. Цифровизация и распространение искусственного интеллекта требуют обновления или выращивания институции защиты прав на интеллектуальную собственность, созданную нейросетями, киберфизическими системами или интеллектуальными агентами, т.е. теми цифровыми акторами, которых обычно и включают в понятие «искусственный интеллект». Следует отметить, что еще ни одно национальное государство не создало институциональных основ защиты прав интеллектуальной собственности, созданной с использованием искусственного интеллекта [17] (*Rolinson, Arievich, Ermolina, 2018*).

Во-вторых, в России практически не развит институт репутации в силу того, что коррупция и легизм стали основой осуществления властных полномочий в государственном и муниципальном управлении, а также в силу того, что деловая и предпринимательская этика до сих пор не являются сколько-нибудь значимыми компонентами в экономических контрактах на внутреннем рынке. Важность деловой репутации осознается только теми корпорациями и предпринимателями, которые осуществляют внешнеэкономическую деятельность в наиболее развитых странах, где новая этика / новая искренность и культура отмены доминируют над капиталистическими рефлексам.

Институт репутации, он, в сущности, всегда неформален, поскольку для его исполнения не требуется внешнего принуждения, например, со стороны исполнительной власти.

Вместе с тем состояние института репутации прямо указывает на степень социально-экономического развития страны. Поэтому необходимо развивать институт репутации, но для этого нужны эффективные решения в части ротации элит (в первую очередь в публичной политике), а также в части кооптации молодых и прогрессивных политиков в федеральную законодательную и исполнительную власть.

В-третьих, российский рынок труда также недостаточно институализирован, в связи с чем проблема кадрового дефицита актуальна для многих отраслей и сфер национальной экономики, включая ее реальный и финансовый сектор. Проблема слабой институализации российского рынка труда состоит в том, что начиная с первой четверти прошлого века и по настоящее время высококвалифицированный интеллектуальный, креативный и новаторский труд в национальном сообществе ценится меньше, нежели труд физический и в том числе труд низкой и средней квалификации. Поэтому по уровню и динамике производительности труда российская экономика является аутсайдером, это ограничивает экономический рост и является препятствием к устойчивому развитию.

Но в общественно-политическом дискурсе, вернее в его официальной репрезентации, которая транслируется многими СМИ и публичными политиками, проблема слабой институализации рынка труда практически не отражена. Напротив, в большей степени поощряется так называемая выученная беспомощность, что позволяет значительной части населения получать различную финансовую помощь от государства, при этом такое социальное иждивенчество негативно влияет на экономическую или иную активность граждан – они не стремятся покинуть «ловушку бедности».

«Ловушка бедности», институциональная неразвитость рынка труда в совокупности с низкой трудовой мобильностью граждан – это еще одна из детерминант, снижающих качество жизни населения России [5, 9, 11] (*Garazha, 2016; Maleva, Grishina, Burdyak, 2020; Gimpelson, Kapelyushnikova, 2017*). Вместе с тем у этой детерминанты есть условно положительное свойство в виде снижения протестной активности населения.

С другой стороны, снижение протестной активности за счет попадания населения в «ловушку бедности» – это прямой путь к дальнейшей стагнации и масштабной депрессии в национальной экономике.

Таким образом, на данном этапе исследования становится очевидным, что трансформация формального или официального общественно-политического дискурса объективно необходима российскому социуму для повышения качества жизни населения и конвертации накапливаемого протестного потенциала в потенциал экономического роста и динамически устойчивого социально-экономического развития.

Заключение

В данной статье раскрыто социально-экономическое понимание формального или официального общественно-политического дискурса и показано его влияние на качество жизни, а также уровень протестной активности населе-

ния. На основании материалов, изложенных в статье, сформулированы следующие основные выводы:

- во-первых, российское общество и, соответственно, российская экономика развиваются в контексте традиционалистских ценностей и ценностей выживания, что, с одной стороны, приводит к снижению качества жизни населения, поскольку сбалансированный и интенсивный экономический рост в таких условиях невозможен. Но с другой стороны, формируемые таким политическим и институциональным контекстом условия жизнедеятельности общества не позволяют проявиться в полной мере протестной активности населения;
- во-вторых, низкий текущий уровень протестной активности населения – это не столько следствие того, как репрезентируется формальный общественно-политический дискурс через медиаресурсы или публичных акторов, но следствие того, что значительная часть российского населения попала в «ловушку бедности», ограничивающую любую инициативу и нивелирующую любые стимулы к экономической, интеллектуальной, трудовой, творческой, предпринимательской и прочей активности граждан;
- в-третьих, формальный или официальный общественно-политический дискурс необходимо трансформировать в конъюнктурном и стратегическом контексте. В рамках конъюнктурных или реактивных изменений целесообразно оптимизировать научную подготовку кадров для медиасферы и повысить статус экспертизы материалов, публикаций и выступлений всех публичных акторов и лидеров мнений для того, чтобы риторика общественно-политического дискурса сменилась с агрессивной на достоверную, этичную, соответствующую концепции новой искренности;
- в-четвертых, стратегический контекст трансформации общественно-политического дискурса является наиболее сложным с точки зрения практической реализации, поскольку здесь: требуется трансплантация или выращивание новых институтов; оптимизация и развитие существующих институтов прав собственности, репутации, рынка труда;
- в-пятых, ключевыми решениями, которые обеспечат эффективную трансформацию общественно-политического дискурса и переход от дестимулирующих устойчивое развитие институтов к институтам стимулирующими, должны стать следующие решения: совершенствование законотворческого процесса, совершенствование просвещения, ротация элит, расширение полномочий органов муниципального управления и самоуправления.

ИСТОЧНИКИ:

1. Аствацатурова М. А., Чекменев Д. С. Конструирование общественно-политического дискурса: концептуально-теоретический аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2019. – № 3. – с. 155–159.
2. Бобошко А. В., Кошеленко В. В. Рынок интеллектуальной собственности в Швейцарии: состояние и развитие // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты. 2020. – с. 129–136.
3. Брюс П., Брюс Э. Практическая статистика для специалистов Data Science. – СПб: Издательство «БХВ-Петербург», 2018. – 304 с.
4. Василькова Н. Н. Политический дискурс: коммуникативные стратегии регулирования // Дискурс-Пи. – 2018. – № 3–4. – с. 32–33.
5. Гаража Н. А. Ловушка бедности // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 9. – с. 107–111.
6. Аузана А. Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. – М.: Издательство «Прспект», 2016. – 484 с.
7. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. – 2005. – с. 5–27.
8. Макушева М.О., Чо Е.Г. Теневой рынок алкоголя: к определению основных типов и мотивов потребителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – с. 90–111.
9. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – с. 24–40.
10. Консалтинговая и аудиторская компания «Deloitte». Медиапотребление в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediapotreblenie-v-Rossii-2020.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).
11. Гимпельсон В., Капелюшникова Р. Мобильность и стабильность на российском рынке труда. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. – 536 с.
12. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 2. – с. 69–91.
13. Официальная статистика (2021). Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 10.07.2021).
14. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – № 3. – с. 24–50.
15. Расходы семей на еду в странах Европы: рейтинг 2020. РИА рейтинг. [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/countries/20201215/630192514.html> (дата обращения: 10.07.2021).
16. Розин В. М. Общественно-политический дискурс социальной справедливости // Идеи и идеалы. – 2013. – № 2 (16).
17. Ролинсон П. О. Л., Ариевич Е. А., Ермолина Д. Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особен-

- ности правового режима в России и за рубежом // Закон. – 2018. – № 5. – с. 63–71.
18. Седина И. В., Пронькина В. М. Общественно-политическая лексика как объект перевода // Гуманитарные науки и образование. – 2021. – № 1. – с. 153–157.
 19. Ходжсон Д. Что такое институты? // Вопросы экономики. – 2007. – № 8. – с. 28–48.
 20. Цивилева А. С., Мухтаров Н. К. Защита прав интеллектуальной собственности в Республике Франция // Первые шаги в науке: Альманах научных работ студентов. Выпуск XIX. Спб: РИО Санкт-Петербургского филиала таможенной академии. 2020. – с. 274.
 21. Чекменев Д. С. Структура категории общественно политический дискурс // Перспективы развития научных исследований в 21 веке. 2015. – с. 205–209.
 22. By Indicator (2021). The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 10.07.2021).
 23. D'Ambrosio P. J., Moeller H. G. Political New Sincerity and Prolificity: On the Decline of Identity Politics and Authenticity // *Philosophy Today*. – 2021. – № 1. – p. 105–123.
 24. Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., et al. World Values Survey: Round Seven–Country-Pooled Datafile. Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat, 2020
 25. North D. C. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. – 1991. – № 1. – p. 97–112.
 26. North D. C. Institutions and economic theory // *The American economist*. – 2016. – № 1. – p. 72–76.
 27. Rawls J. A theory of justice. – Harvard: Harvard University Press, 2020. – 624 p.
 28. Saint-Louis H. Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning // *First Monday*. – 2021. – № 7. – p. 30–40.
 29. The Legatum Prosperity Index 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prosperity.com/rankings> (дата обращения: 11.07.2021).
 30. World Value Survey – wave 7 (2017–2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 10.07.2021).

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ:

Поступило в редакцию: 10.01.2022. Одобрено: 24.03.2022. Опубликовано: 31.03.2022

JEL Classification: E65, E71, F68, G14, G18, I31, J18

ОБ АВТОРЕ:

Дудин Михаил Николаевич, доктор экономических наук, профессор, зам. директора, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия; Scopus Author ID: 55961173100; Researcher ID: J-9510-2014; <http://orcid.org/0000-0001-6317-2916> (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский просп., 47; e-mail: dudinmn@mail.ru).

REFERENCES:

- Astvatsaturova M. A., Chekmenev D. S. (2019). *Konstruirovaniye obshchestvenno-politicheskogo diskursa: kontseptualno-teoreticheskiy aspekt* [The construction of socio-political discourse: a conceptual-theoretical aspect]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. (3). 155–159. (in Russian).
- Auzana A. (2016). *Institutsionalnaya ekonomika. Novaya institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya* [Institutional economics. New institutional economic theory] (in Russian).
- Boboshko A. V., Koshelenko V. V. (2020). *Rynok intellektualnoy sobstvennosti v Shveysarii: sostoyaniye i razvitiye* [Intellectual property market in Switzerland: state and development] *Topical issues of economics and management: theoretical and applied aspects*. 129–136. (in Russian).
- Bryus P., Bryus E. (2018). *Prakticheskaya statistika dlya spetsialistov Data Science* [Practical statistics for Data Science specialists] (in Russian).
- By Indicator (2021)The World Bank. Retrieved July 10, 2021, from <https://data.worldbank.org/indicator>
- Chekmenev D. S. (2015). *Struktura kategorii obshchestvenno politicheskiiy diskurs* [The structure of the category of socio-political discourse] *Prospects for the development of scientific research in the 21st century*. 205–209. (in Russian).
- D'Ambrosio P. J., Moeller H. G. (2021). *Political New Sincerity and Prolificity: On the Decline of Identity Politics and Authenticity Philosophy Today*. (1). 105–123.
- Garazha N. A. (2016). *Lovushka bednosti* [Poverty trap: challenges and coping strategies (for example, the latest research reflections esther duflo)]. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. (9). 107–111. (in Russian).
- Gimpelson V., Kapelyushnikova R. (2017). *Mobilnost i stabilnost na rossiyskom rynke truda* [Mobility and stability in the Russian labor market] (in Russian).
- Khodzhsan D. (2007). *Chto takoe instituty?* [What are institutions?]. *Voprosy Ekonomiki*. (8). 28–48. (in Russian).
- Kuzminov Ya., Radaev V., Yakovlev A., Yasin E. (2005). *Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu* [Institutions: from borrowing to growing]. *Voprosy Ekonomiki*. 5 5–27. (in Russian).
- Makusheva M.O., Cho E.G. (2020). *Tenevoy rynek alkogolya: k opredeleniyu osnovnykh tipov i motivov potrebiteley* [Shadow alcohol market: defining the main types and motives of consumers]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. (5). 90–111. (in Russian).
- Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Ya. (2020). *Khronicheskaya bednost: chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu?* [Chronic poverty: what affects its level and severity?]. *Voprosy Ekonomiki*. (12). 24–40. (in Russian).
- Nort D. (1993). *Instituty i ekonomicheskiiy rost: istoricheskoe vvvedenie* [Institutions and economic growth: a historical introduction]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i sistem*. (2). 69–91. (in Russian).

- North D. C. (1991). *Institutions Journal of Economic Perspectives*. (1). 97–112.
- North D. C. (2016). *Institutions and economic theory The American economist*. (1). 72–76.
- Polterovich V. M. (2001). *Transplantatsiya ekonomicheskikh institutov* [Transplantation of economic institutions]. *Economics of Contemporary Russia*. (3). 24–50. (in Russian).
- Rawls J. (2020). *A theory of justice*
- Rolinson P. O. L., Arievidh E. A., Ermolina D. E. (2018). *Obekty intellektualnoy sobstvennosti, sozdavaemye s pomoshchyu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom* [Intellectual property created using artificial intelligence: special features of the legal framework in russia and other countries]. *Law (zakon)*. (5). 63–71. (in Russian).
- Rozin V. M. (2013). *Obshchestvenno-politicheskiy diskurs sotsialnoy spravedlivosti* [The social and political discourse of social justice]. *Ideas and ideals*. (2 (16)). (in Russian).
- Saint-Louis H. (2021). *Understanding cancel culture: Normative and unequal sanctioning First Monday*. (7). 30–40.
- Sedina I. V., Pronkina V. M. (2021). *Obshchestvenno-politicheskaya leksika kak obekt perevoda* [Social and political vocabulary as the object of translation]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. (1). 153–157. (in Russian).
- The Legatum Prosperity Index 2020. Retrieved July 11, 2021, from <https://www.prosperity.com/rankings>
- Tsvileva A. S., Mukhtarov N. K. (2020). *Zashchita prav intellektualnoy sobstvennosti v Respublike Frantsiya* [Protection of intellectual property rights in the Republic of France] *The first steps in science*. 274. (in Russian).
- Vasilkova N. N. (2018). *Politicheskiy diskurs: kommunikativnye strategii regulirovaniya* [Political discourse: communicative strategies of regulation]. *Diskurs-Pi*. (3–4). 32–33. (in Russian).
- World Value Survey – wave 7 (2017–2020). Retrieved July 10, 2021, from <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

ARTICLE INFO

Received: 01/10/2022

Approved: 03/24/2022

Published: 03/31/2022

JEL Classification: E65, E71, F68, G14, G18, I31, J18

© Author(s) / Publication: PRIMEC Publishers

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Nikolaevich Dudin – Doctor of Economics, Professor, Deputy Director, Market Economy Institute of RAS, Moscow Russia; Scopus Author ID: 55961173100; Researcher ID: J-9510-2014; <http://orcid.org/0000-0001-6317-2916> [47, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418; Russian Federation; e-mail: dudinmn@mail.ru].

